

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ (1714–1836). К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭТНОГРАФИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В РОССИИ

УДК 94(470)“17/18”

ББК 63.3(2)5+63.50

Статья посвящена истории формирования и экспонирования этнографических коллекций Кунсткамеры в 1714–1836 гг. С созданием Санкт-Петербургской Академии наук (1724), с организацией великих Академических экспедиций XVIII в. этнографические коллекции стали собирать по специально разработанным программам «описания народов». Они были представлены в залах общедоступного академического музея, а также в ряде публикаций участников экспедиций академиков Г. Ф. Миллера, И. Г. Георги, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, С. П. Крашенинникова. Благодаря архивным и печатным материалам возможна детальная виртуальная реконструкция экспозиции Кунсткамеры до пожара в музее в 1747 г. Ряд документов позволяет проследить развитие этой части экспозиции Кунсткамеры во второй половине XVIII в., в частности выявить принцип формирования этнографических разделов экспозиции вокруг ключевых фигур манекенов. Создание в 1836 г. на основе этих коллекций и коллекций расформированного Музея Адмиралтейского департамента старейшего в мире специализированного Этнографического музея позволяет говорить о зарождении этнографии как научной дисциплины в середине XVIII в. в стенах Кунсткамеры и Императорской Академии наук благодаря трудам академика Г. Ф. Миллера, его учеников и коллег.

Ключевые слова: *Кунсткамера, Этнографический музей, Академические экспедиции, этнографические коллекции, реконструкция экспозиций Кунсткамеры, манекены, описание народов, этнография*

В конце XVII — начале XVIII в., когда Петр I стал заниматься созданием музея в Санкт-Петербурге, в европейских странах было принято разделение коллекций на кабинеты «натуралий» (ботанические, зоологические, анатомические, минералогические экспонаты) и «артифициалей» (творения человеческих рук). Кабинеты «артифициалей» европейских коллекционеров пополнялись в основном экзотическими экспонатами из Китая, Ост- и Вест-Индии. Такие предметы собирались как «куриозитеты», а не с целью научного исследования. Такова была и часть коллекции Альберта Себы, купленная по указанию Петра I в 1717 г. в Амстердаме.

Но царь был знаком и с другим отношением европейских коллекционеров и собирателей к традиционной культуре народов. Одним из таких собирателей, коллекцию которого Петр I хорошо знал, был амстердамский бургомистр и один из руководителей Ост-Индской компании, автор книги «Северная и Вос-

точная Тартария» Николаас Витсен.¹ Часть собрания Н. Витсена составляли предметы, полученные им из России, в том числе то, что мы сегодня назвали бы этнографической коллекцией. Присылать Н. Витсену интересные его экспонаты из России мог и сам Петр I. В коллекции Н. Витсена был, например, каяк с сидящим в нем человеком (манекеном?) в одежде и с полным оснащением. Этот экспонат изображен на гравюре в «Северной и Восточной Тартарии» издания 1785 г.² По мнению голландского историка Я. Схелтемы, в 1705 г. Петр I послал Н. Витсену в Амстердам одежду, обувь и описание трупа мужчины, найденного в каяке в Северном Ледовитом океане.³

Похожий каяк с сидящим в нем «человеком» в одежде для морской охоты был и в первой экспозиции Кунсткамеры в 1719–1727 гг.

¹ Witsen N. Noord en Oost Tartarye, ofte, Bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest... Amsterdam, 1692 (2nd Ed. Amsterdam, 1705); Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Пер. с гол. В. Г. Трисман / ред. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам, 2010. Т. 1–3.

² В издании «Северная и Восточная Тартария» 1785 г. есть гравюры, обозначенные литерами, которые отсутствуют в предыдущих изданиях 1692 и 1705 гг. Исследователи предполагают, что эти гравюры были выполнены с предметов из коллекции Н. Витсена.

³ См.: Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelve wederkeerige betrekkingen. Amsterdam, 1818. Dl. 3. P. 132.

в Кикиных палатах.⁴ Вот как описывает его один из посетителей Кунсткамеры в 1720 г.: «Было там изображение (effigies — дословно «чучело». — Ю. Ч.) дикого человека, которого нашли неживым, с двумя лодками. На одной лодке были рыбы, копье и колчан со стрелами из морского тростника... Лука не было — вероятно, выпал, или ветер вырвал. На другой лодке сидел сам дикарь и умер сидя».⁵ Это один из первых экспонатов Кунсткамеры, его можно видеть на одном из рисунков, которые выполнялись в XVIII в. для предполагавшегося к изданию каталога музея. Он описан также в каталоге Кунсткамеры «*Musei Imperialis Petropolitani*».⁶

Еще до учреждения Академии наук Петр I приступил к выполнению своего плана по организации научных экспедиций в разные регионы России, в первую очередь в Сибирь. Целью таких экспедиций было изучение географии и природы, полезных ископаемых и местного населения огромной страны.

В 1718 г. в Санкт-Петербург для участия в создании Кунсткамеры и Академии приезжает 33-летний выпускник университетов Йены и Галле доктор медицины Д. Г. Мессершмидт. После встречи с Петром I в Санкт-Петербурге ученого посылают в первую в истории России научную экспедицию, цель которой была сформулирована прежде всего в соответствии с интересами Медицинской канцелярии, к которой он был приписан «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей».⁷ Уже во время своего путешествия по Сибири Д. Г. Мессершмидт расширяет зону своих научных интересов, намереваясь составить коллекцию «всего того, что могло бы послужить к пополнению и украшению царской библиотеки и музея».⁸

Д. Г. Мессершмидту удалось собрать достаточно богатые этнографические коллекции, в том числе одежды народов Сибири и Поволжья, которые по его возвращении в Санкт-Петербург были выставлены в Кунсткамере. Од-

нако считается, что все эти экспонаты были утрачены, как и часть рукописей и рисунков, во время пожара в Кунсткамере в 1747 г.

Правда, следует отметить, что привезенные Д. Г. Мессершмидтом из экспедиции вещи еще не были в полном смысле слова этнографической коллекцией, так как приобретение предметов быта народов Поволжья и Сибири носило скорее случайный, чем целенаправленный и регулярный характер. Можно сказать, что первыми «научными» сборами этнографических предметов занимались участники Академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743), прежде всего Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, С. П. Крашенинников. Академические профессора, посланные в экспедицию в Сибирь, были подготовлены к сбору научных коллекций. Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин хорошо знали состав коллекций академического музея, в том числе привезенных из сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидтом, специально изучали имевшиеся к тому времени описания народов Российской империи.

Эта грандиозная экспедиция, абсолютно уникальная для истории не только российской, но и европейской науки XVIII в., продолжалась в общей сложности десять лет, состояла из семи отрядов, в работе которых приняли участие до 800 человек, в том числе академики, адъюнкты Академии наук и студенты академического университета.

Считается, что руководитель Академического отряда Второй Камчатской экспедиции академик Г. Ф. Миллер сам являлся автором⁹ инструкции «О истории народов».¹⁰ Эта программа исследований, состоящая из 11 параграфов, включала в себя, выражаясь современным языком, сбор сведений о географии расселения народов, об их этнической истории, о межэтнических браках, о типах жилищ и поселений, о традиционных верованиях и религиозных обрядах, о домашних и брачных обычаях и обрядах, о народной одежде и т. д.

Всего четырем годами позже, в 1737 г., для отправлявшегося из Якутска в Охотск студента С. П. Крашенинникова И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер составили подробнейшую инструкцию уже из 89 пунктов.¹¹

⁴ См.: Чистов Ю. К., Копанева Н. П. Кунсткамера Академии наук в первой половине XVIII в. Собираание и экспонирование научных этнографических коллекций // Тр. Отд-ния ист.-филол. наук РАН. М., 2015. С. 94–117.

⁵ Краткое описание города Петербурга и совершившегося в нем в 1720 году (Записки поляка-очевидца) // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 272. См. также: Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1991. С. 144.

⁶ *Musei Imperialis Petropolitani*. Vol. 2, pars 1: Qua continentur Res Artificiales. Typis Academiae scientiarum Petropolitanae. SPb., 1741. P. 134, N 73.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. № 32. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 21. Л. 102–108.

⁹ См.: Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Л., 1937. С. 60.

¹⁰ [Миллер Г. Ф.] Инструкция, данная Академией Г. Ф. Миллеру при отправлении в Сибирское путешествие, «О истории народов» // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 460–461.

¹¹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 527. Д. 7. Л. 1–19.

В октябре 1739 г. Г. Ф. Миллер получил распоряжение возвращаться в Санкт-Петербург, передав дела адъютанту Академии наук И. Фишеру. Для него Г. Ф. Миллер написал еще более подробную инструкцию — «Наставления в том, что следует принимать во внимание при описании народов, особенно сибирских».¹² Для оценки масштаба и значения этого документа следует упомянуть о том, что эта инструкция состояла уже из 923 пунктов и четырех приложений («О географических картах»; «О рисунках»; «О собирании различных вещей для Императорской Кунсткамеры»; «Словарь, по которому следует собирать языки и диалекты народов»).

Пункты 72–94 инструкции Г. Ф. Миллера посвящены описанию традиционной одежды. В частности, рекомендовалось изучать зимнюю и летнюю одежду каждого народа, описывать каждый предмет во всех подробностях, записывать, как называют каждую деталь; особо описывать церемониальную одежду замужних женщин, обращать внимание на различия в одежде мужчин, женщин, вдов, девушек, детей и на то, какие украшения обычно нашиваются и навешиваются на одежду, особенно женскую, а также на оторочку одежды мехом, на вышивку, на предметы, которые подвешивают на пояс, и т. п.

В приложении «О собирании различных вещей для Императорской Кунсткамеры» рекомендовалось приобретать и отправлять в музей «всевозможные одежды как мужские, так и женские всех народов». Следует подчеркнуть, что, по мнению участников Академических экспедиций, именно традиционная одежда народов России, повседневная и праздничная, играла роль яркого маркера их традиционной культуры.

Ф. К. Руссов, ученый хранитель Музея антропологии и этнографии в 1865–1906 гг.,¹³ был первым, кто написал историю формирования этнографических и антропологических коллекций Кунсткамеры — Этнографического музея — Музея антропологии и этнографии Академии наук. Он сразу обратил внимание

на резкий перелом в концепции сбора коллекций, характеризующих быт и культуру народов России, с началом работы Академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Он пишет: «В то время еще не было понимания системного сбора материалов по этнографии России, и тем более поразительным представляется практически современный подход к этнографическим вопросам и задачам в дошедшей до нас рукописной инструкции Г. Ф. Миллера... Кунсткамера получила в этой инструкции фундамент научного рассмотрения этнографических коллекций...»¹⁴ Ф. К. Руссов цитирует И. Бакмейстера, который писал, что «...по случаю известной Камчатской экспедиции обогатились мы (т. е. Кунсткамера — Ю. Ч.) обильнейшими приращениями, состоявшими в толиком количестве изысканных по разным азиатским странам и народам редкостей, что таковым множеством ни один в Европе кабинет славиться не мог».¹⁵

И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер при отсылке собранных коллекций в Санкт-Петербург сопровождали их реестрами, которые включали конкретные названия предметов, указания на то, какому народу принадлежат вещи, сведения о месте их приобретения, о материале, из которого изготовлены экспонаты, о технике изготовления, о функции предметов в бытовой культуре конкретного народа.

Несомненно, речь идет именно о сборе научных этнографических коллекций в ходе экспедиции, хотя термины «этнография» и «народоведение» появились чуть позже. Г. Ф. Миллер же и другие участники Второй Камчатской экспедиции говорили об «истории народов» и «описании народов».¹⁶

Ко времени поступления массовых материалов от участников экспедиции коллекции в академическом музее были систематизированы, размещены по определенным залам и шкафам, описаны в готовящемся к изданию каталоге коллекций музея. Присылаемые этнографические коллекции поступали в Кунсткамеру

¹⁴ Russow F. Op. cit. Цитируется по готовящейся к изданию на русском языке книге Ф. К. Руссова.

¹⁵ Бакмейстер И. Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской Академии наук, изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером подбиблиотекарем Академии наук, а на российской язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779. С. 123–124.

¹⁶ Чистов Ю. К. Костюм народов России в коллекциях Кунсткамеры XVIII века // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. М.; Екатеринбург, 2015. С. 44–51.

¹² Инструкция опубликована на немецком языке Ф. В. Руссовым. См.: Russow F. Beiträge zur Geschichte der ethnographischen und anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. СПб., 1900. С. 37–99. (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской академии наук; вып. 1).

¹³ См.: Петри Е. Л. Федор Карлович Руссов. Первый Ученый хранитель Музея Антропологии и Этнографии при Императорской Академии Наук // Сб. МАЭ. СПб., 1911. [Т. 1], вып. X. 8 с.

и занимали там отведенное им место на галерее, обозначенной в музейных документах первой половины XVIII в. как галерея «ВВ».

Прежде чем перейти к описанию экспозиции этнографического собрания Кунсткамеры в первой половине XVIII в., следует отметить, что в истории музея был драматический рубеж, который негативным образом повлиял не только на его развитие, но и на формирование науки в Санкт-Петербургской Академии наук. Речь идет об упомянутом выше большом пожаре, происшедшем в здании Кунсткамеры ранним утром 5 декабря 1747 г. Начавшись в нижней обсерватории, пожар перекинулся в круглый зал башни, где стоял Готторпский глобус, а оттуда на рядом расположенную галерею «ВВ» третьего этажа, где хранились и экспонировались художественные коллекции музея, в том числе и его этнографическое собрание. Несмотря на усилия служителей Кунсткамеры, огнем были уничтожены многие экспонаты, прежде всего вещи из ткани, кожи, меха.

Мы располагаем достаточно точными данными о том, где и в каком порядке были выставлены до декабря 1747 г. коллекции, в том числе «этнографическое» собрание. Источниками для документальной реконструкции являются гравюры с изображениями и чертежами залов Кунсткамеры,¹⁷ первый каталог академического музея «*Musei Imperialis Petropolitane*» (далее — МIP), изданный на латинском языке в 1741–1745 гг. и включавший том, посвященный «артифициалиям»,¹⁸ а также так называемый «Нарисованный музей»,¹⁹ т. е. архивное собрание рисунков ранних экспонатов Кунсткамеры. Все эти источники дополняют друг друга, и для реконструкции коллекций Кунсткамеры их необходимо рассматривать в единстве.

Чрезвычайно важна следующая особенность МIP: он составлен как топографический каталог, т. е. описывает экспонаты в том порядке, как они располагались в музее по залам, а внутри залов — по шкафам и полкам шкафов. Собрание предметов, которое мы условно, но небезоснова-

тельно называем этнографической коллекцией Кунсткамеры, располагалось в 11 шкафах на галерее «ВВ» западного крыла здания.

Наиболее интенсивное зарисовывание предметов коллекций Кунсткамеры велось в 1730-е гг. Интересующих нас этнографических рисунков с изображением предметов, поступивших в Кунсткамеру из экспедиций, к 1741 г., по данным рукописного каталога, было 141 (сохранилось 124). Эти рисунки имеют большое научное значение, поскольку они представляют собой самые ранние изображения предметов одежды и быта народов Сибири и Поволжья. Их значение велико еще и потому, что сами предметы из первых этнографических коллекций Кунсткамеры не сохранились: как было уже сказано, почти все они сгорели в пожаре 1747 г.

Но «Нарисованный музей» имеет еще одну особенность, которая позволяет использовать этот корпус рисунков для реконструкции экспозиций Кунсткамеры до 1747 г.: на листах с изображениями предметов даны ссылки на страницы их описания в МIP и указаны номера шкафов, в которых они хранились. Таким образом, используя чертежи и описания к ним в «Палатах», каталог МIP с экспедиционными реестрами и «Нарисованный музей», мы имеем возможность документально восстановить экспозицию этнографического собрания Кунсткамеры на период до пожара 1747 г.

Выше уже упоминалось, что интересующие нас коллекции были выставлены в Кунсткамере в 11 шкафах (с 9-го по 19-й на плане галереи «ВВ»). В «Толковании литер и чисел» издания «Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры...» 1744 г.²⁰ они поименованы следующим образом:

Шкафы 9–10	Платье Сибирских и других в России обретающихся народов.
Шкаф 11	Платье Китайское, Турецкое и проч.
Шкафы 12–14	Шаманское платье, бубны и идолы язычных в России и Сибири народов
Шкафы 15–17	Китайские и другие идолы, статуйки и подобные сему разной работы вещицы из дерева, камня и меди
Шкафы 18–19	Всякие Азиатских народов сосуды, уборы и другие подобные вещи

¹⁷ Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб., 1741; 2-е изд. 1744. Tabula X.

¹⁸ *Musei Imperialis Petropolitani*. Vol. 2, pars 1.

¹⁹ «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 гг. Т. 1. СПб., 2003; Т. 2. СПб., 2004; The Paper Museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg c. 1725–1760: Introduction and Interpretation. Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences. Amsterdam, 2005.

²⁰ Палаты... 1744. С. 17–18.

Не разобранными по шкафам, но размещенными на галерее с этнографическим собранием оказались поступления от участников Второй Камчатской экспедиции, присланные после 1741 г. Из архивных документов известно, что 28 апреля 1747 г. художник И. Х. Бергхан, в 1746 г. вернувшийся из Второй Камчатской экспедиции, получил задание «имеющееся на верхней галерее [здания Кунсткамеры] платье азиатских народов срисовать с колерами, и для того рисования дать ему от мастера Гриммеля глидерман²¹». Это были первые шаги на пути к формированию идеи использования на экспозиции Кунсткамеры манекенов для демонстрации «платья азиатского».²²

Гравюры, сделанные на основе экспедиционных зарисовок костюмов народов Сибири, публиковались в книгах академиков Г. Ф. Миллера,²³ С. П. Крашенинникова,²⁴ а также в «Атласе», который являлся приложением к шеститомному изданию (1773–1788) «Путешествие по разным провинциям Российского Государства» академика П. С. Палласа.²⁵ Следует особо подчеркнуть, что, скорее всего, все костюмы, которые мы видим на этих гравюрах, поступили в собрание Кунсткамеры.

Особое место в истории отечественной науки занимают публикации академика И. Г. Георги, который в ходе своей четырехлетней экспедиции (1770–1774) объехал Поволжье, южное и среднее Приуралье, Западную Сибирь, Алтай, Забайкалье. В 1774–1776 гг. он издал 13 выпусков альбома «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся»,²⁶ в которых было опубликовано 65 раскрашенных гра-

вюр Х. М. Рота, выполненных по рисункам И. Г. Георги и других участников академических экспедиций, а также по образцам традиционных народных костюмов, хранившихся в Кунсткамере. В 1776–1777 гг. И. Г. Георги публикует свою знаменитую трехтомную книгу «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...»,²⁷ которую часто называют первой монографией по этнографии народов России.

Переиздание этой книги в 1799 г. было уже четырехтомным. Всего в нем было опубликовано 100 гравюр, изображающих жителей Российской империи в традиционной повседневной, праздничной и промысловой одежде (некоторые костюмы были показаны в двух видах — спереди и сзади). Авторы рисунков и граверы стремились передать с максимальной точностью не только детали одежды, но и антропологический облик различных народов России.

Упоминания о манекенах (иногда их называли «фигурами» или немецким словом «глидерман») появляются в документах по истории Кунсткамеры очень рано (см. выше описание «чучела» в лодке на первой экспозиции Кунсткамеры в Кикиных палатах).

Известно, что 2 января 1780 г. архитектор М. Павлов подал в Академическую комиссию рапорт о том, что директор Академии наук С. Г. Домашнев приказал ему «сделать в Кунсткамеру для разного курioзного платья азиатского несколько манекенов с натуральными к тому платью лицами и прочему прибору, чтоб составляло для великолепия кунсткамеры, которые будут поставлены по приличным местам в башне».²⁸

Из путеводителя по музею 1800 г., автором которого был унтер-библиотекар Кунсткамеры О. П. Беляев,²⁹ мы узнаем, что в Кунсткамере к рубежу XVIII и XIX вв. не только существовала обширная этнографическая экспозиция, но и были накоплены научные сведения по культуре народов России и ряда соседних

²¹ Глидерман — манекен в виде человеческой фигуры, служащий моделью при рисовании, лепке (см.: Словарь русского языка XVIII века). См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8: (1746–1747). С. 441.

²² См.: Хартанович М. В. Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в. // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 116–122.

²³ Восемь рисунков женских костюмов, сделанных художниками И. В. Люрсениусом и И. Х. Берканом еще в 1733 г., были опубликованы во втором издании книги: Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.

²⁴ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. Т. 1–2. СПб., 1755.

²⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Атлас. СПб., 1788.

²⁶ Георги И. Г. Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся. [№ 1–13]. СПб., 1774–1776.

²⁷ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: переведено с немецкого. Изданием книгопродавца К. В. Миллера. Ч. 1–3. СПб., 1776–1777.

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 30. Л. 29–30.

²⁹ Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. Отд. 2: Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санктпетербургской Императорской Академии наук сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц и разных любопытных анекдотов. СПб., 1800.

Рис. 1. Голова китайца, «представляющая чиновника или мандарина» (О. Беляев, 1800).
Восковая голова манекена работы скульптора М. П. Павлова. 1780-е гг. МАЭ № 1027–2.

Рис. 2. Шаман Камчатский. Гравюра Х. М. Рота из книги И. Г. Георги.

стран. Это позволило автору одновременно с описанием этнографической части экспозиции Кунсткамеры написать первую в истории российской науки популярную историю народов и их обычаев. Основная же часть экспозиции строилась вокруг десяти манекенов («статуй», как их называет О. П. Беляев), восемь из которых были из воска и два — деревянные. Это были «статуи» чиновного китайца (мандарина), китайской женщины, алеутской женщины, остяка, семояда, киргизца, тунгусской женщины, сибирского шамана «в природном его одеянии и убранстве», шаманки, японца. Манекены изготавливались из холста и войлока, имели стеклянные глаза, на голове волосы, а лица и руки их были отлиты из воска. Фигуры шамана и шаманки были вырезаны из дерева.³⁰ В коллекции № 1027 Музея антропологии и этнографии и поныне хранятся три восковые головы и фрагменты кисти руки, очевидно, оставшиеся от этих манекенов (см. рис. 1).

Помимо огромного количества сведений об этнографии вышеупомянутых народов (об их одежде, антропологическом облике, быте, занятиях, домашней утвари), О. П. Беляевым приводится описание других разделов экспозиции, где были выставлены одежда и другие экспонаты, относящиеся к мордве, красноярским татарам, якутам, бурятам, ламутам, курильцам, чукчам, а также предметы одежды и быта «бразильских, американских и других народов к Америке простирающихся».

На рис. 2 можно видеть изображение «Шамана Камчатского» из вышеупомянутой книги И. Г. Георги.³¹ Эта чрезвычайно детальная вручную раскрашенная гравюра полностью совпадает с описанием фигуры шамана на экспозиции Кунсткамеры в конце XVIII в., приведенным О. П. Беляевым: «Восьмая статуя представляет сибирского шамана, сделанного из дерева и одетого в собственное его кожаное платье, к которому привешены на ремешках разные рогульки, побрякушки, звериные хвосты и несколько целых звериных шкурок. Шаман сей, имея в одной руке большой овальной кожаный, с разными мистическими характерами, бубен, а в другой небольшую выгнутую белыми волосами по краям опушенную лопатку...»³²

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 146. Л. 1, 2, 20б.; Ф. 3. Оп. 8. № 42. Л. 28, 31; и др.

³¹ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 3. 1777.

³² Беляев О. П. Указ. соч. С. 195, 196.

В 1836 г. Петербургской академии наук было закреплено фактически происшедшее в начале XIX в. разделение Кунсткамеры на ряд самостоятельных музеев. Так, в частности, был создан Этнографический музей, самый старый из этнографических музеев мира. Например, Национальный музей этнологии в Лейдене (Нидерланды) был создан годом позже, в 1837 г.; этнографический отдел Национального музея Дании в Копенгагене был оформлен в 1841 г.; Этнологический музей в Базеле (Швейцария) — в 1849 г. и т. д. Вместе с тем в Санкт-Петербурге идея создания Этнографического музея (и само это название) активно обсуждалась начиная с конца 1820-х гг., после расформирования в 1827 г. Музея Адмиралтейского департамента, откуда были переданы в Кунсткамеру коллекции, в том числе этнографические, из кругосветных плаваний Российского флота.

В 1879 г. академический Этнографический музей и Анатомический кабинет были реформированы и получили название Музей антропологии и этнографии.

В научных статьях и университетских учебниках обычно связывают институционализацию этнографии/этнологии с введением в научный оборот соответствующих терминов в 1772 и 1783 гг.³³ Между тем эта научная дисциплина, как нам представляется, зародилась несколькими десятилетиями раньше в Петербургской академии наук в ходе полевых исследований народов России и обобщения результатов этих исследований в трудах академиков Г. Ф. Миллера, И. Г. Георги и др. как «описание народов» и «история народов».³⁴ Огромную роль в становлении этой науки сыграло собрание и описание «этнографических» коллекций Кунсткамеры, на основе которых вырос старейший в мире Этнографический музей.

Yuri K. Chistov

Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) (Russia, Saint-Petersburg)
E-mail: chistov@kunstkamera.ru

ETHNOGRAPHICAL COLLECTIONS OF KUNSTKAMERA (1714–1836). A QUESTION OF THE INSTITUTIONALIZATION OF ETHNOGRAPHY AS A SCIENTIFIC DISCIPLINE IN RUSSIA

This article is dedicated to the acquisition and exhibition history of Kunstkamera's ethnographic collections in 1714–1836. After the Saint-Petersburg Academy of Sciences was established in 1724, a large number of so-called Academic expeditions were organized whose mission, among other things, was to acquire ethnographic collections in accordance with specially elaborated "peoples' descriptions" programs. These collections were put on display in the Academic public museum, and were also described in a number of publications by participants of these expeditions, including Gerhard F. Müller, J. G. Georgi, J. G. Gmelin, P. S. Pallas, and S. P. Krasheninnikov. Due to a number of printed and archives materials that have preserved until our days, we can virtually reconstruct the expositions of the Kunstkamera until the fire in Kunstkamera on 1747. Some documents also allow us to trace back the development of ethnographic expositions in the second half of the 18th century, when they were arranged around key mannequin figures in traditional dresses. In 1836 a specialized Ethnographic museum was established based on the Kunstkamera collections and the collections of the Admiralty Museum, which allows us to state that ethnography began to develop as a scientific discipline within Kunstkamera and the Academy of Sciences in mid-18th century due to Gerhard Müller, his students and colleagues.

³³ См.: Фермойлен Х. Ф. Происхождение и институционализация понятий «Völkerkunde» (Возникновение и развитие понятий «Völkerkunde», «Ethnographie», «Volkskunde» и «Ethnologie» в конце XVIII и начале XIX в. в Европе и США) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 101–109; Он же. Герард Фридрих Миллер (1705–1783) и становление этнографии в Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 177–198.

³⁴ См.: Головин А. В., Киссер Т. С. Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Урал. ист. вестн. 2015. № 3 (48). С. 66.

Keywords: *Kunstkamera, Ethnographical Museum, Academic Expeditions 18th century, Ethnographical collections, reconstruction of expositions of the Kunstkamera, Mannequins, Description of peoples, Ethnography*

REFERENCES

- Andreev A. I. [Proceedings of G. F. Miller on Siberia]. *Miller G. F. Istoriya Sibiri* [Miller G. F. History of Siberia]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1937, vol. 1, pp. 57–144. (in Russ.).
- Bespyatykh Yu. N. *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh: Vvedenie. Teksty. Kommentarii* [Peterburg of Peter I in foreign descriptions: Introduction. Texts. Comments]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1991, 280 p. (in Russ.).
- Chistov Yu. K. [The costume of the peoples of Russia in the collections of the Kunstkamera of the 18th century]. *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii: sbornik materialov* [XI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: a collection of materials]. Moscow; Ekaterinburg: IEA RAN, IiA UrO RAN Publ., 2015, pp. 44–51. (in Russ.).
- Chistov Yu. K., Kopaneva N. P. [Kunstkammera Academy of Sciences in the first half of the 18th century. Collecting and exhibiting scientific ethnographic collections]. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the RAS]. Moscow: Nauka Publ., 2015, pp. 94–117. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Kisser T. S. [Ethno-Portrait of Empire in the writings by Peter Pallas and Johann Georgi]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2015, no. 3 (48), pp. 59–69. (in Russ.).
- Khartanovich M. V. [Mannequins of the Kunstkamera of the Petersburg Academy of Sciences at the end of the 18th century]. *Radlovskiy sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2010 g.* [Radlovsky collection: scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2010]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2011, pp. 116–122. (in Russ.).
- “Narisovannyi muzey” *Peterburgskoy Akademii nauk. 1725–1760 gg.* [“Painted Museum” of the St. Petersburg Academy of Sciences. 1725–1760]. Saint Petersburg: Yevropeyskiy dom Publ., 2003, vol. 1, 318 p.; 2004, vol. 2, 188 p. (in Russ.).
- The Paper Museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg c. 1725–1760: Introduction and Interpretation. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005, 347 p. (in English).
- Vermeulen H. F. [Gerard Friedrich Miller (1705–1783) and the formation of ethnography in Siberia]. *Problemy istorii Rossii* [Problems of the history of Russia]. Ekaterinburg: Volot Publ., 2008, iss. 7, pp. 177–198. (in Russ.).
- Vermeulen H. F. [Origin and Institutionalization of Volkerkunde (1771–1843)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1994, no. 4, pp. 101–109. (in Russ.).